Теплым вечером в середине августа 1978 года мы с Вадимом Бородаевым и Ольгой Якубовской устало поднимались по суглинистому сухому склону одного из логов Приобского плато, выходящего в пойму Оби. Устали мы потому, что с утра осматривали подобные лога, осыпи и склоны кромки Обского левобережья между селами Володарка и Усть-Алейка. Проводили археологическую разведку на основании одного из первых наших студенческих Открытых листов. От Володарки до этого места мы уже осмотрели все. Нашли множество поселений, преимущественно раннего железного века (скифского времени). Вот и последний осмотр. Завтра перебазируемся в село Староалейка, будем исследовать кромку плато дальше, ближе к устью реки Алей.

Под подошвами ботинок осыпается сухой желтый суглинок, однако среди комков, крошек и пучков высохшей травы попадаются кусочки керамики. Выбравшись на поверхность, неожиданно покрытую волнами сочной зеленой травы, рассматриваем улов. Он оказался не совсем обычным, точнее совсем необычным. Это были обломки крупного горшка со срезанным наружу краем венчика. Получившийся срез украшен наклонными оттисками штампа-орнаментира, ниже расположен ряд бугорков-«жемчужин», выдавленных палочкой изнутри сосуда, когда глина была сырой. Еще ниже сосуд имел плоский налепной валик, покрытый насечками. Так свою посуду оформляли только в один исторический период — начало раннего железного века (VII-VI вв. до н. э.).

— О, большереченская керамика, да еще ближнеелбанская, откуда она здесь? — Вадим с удивлением рассматривает обломки сосуда.

Было отчего удивиться. Подобная посуда раннескифского времени до этого момента встречалась только на правом берегу Оби, в нескольких поселениях в устье Большой Речки (оттуда и название культуры — большереченская). Мы не знаем, как величали себя эти люди, вот и именуем их по названию наиболее яркого памятника. Такие материалы найдены также около сел Бобровка и Мыльниково. Оглядываем мыс, выделенный двумя логами, по одному из которых — южному — мы поднялись. Обширный наклонный зеленый луг с белеющими перьями ковыля. От распаханного поля с созревающей пшеницей памятник отделяет какая-то темно-зеленая полоса. Идем к ней. Вот это да! То не полоса, а глубокий и широкий пологий ров, заросший травой. Ширина рва метров 5-6, глубина больше метра. За рвом все распахано, но техника ров переехать не может.

— Так это же городище! Да не просто городище, а настоящая крепость!

Дружно кричим «ура». Такое городище известно на Алтае лишь одно — Елбанка в устьевой зоне реки Чарыш. Городищем ученые называют нежилые заброшенные и сглаженные руины древних крепостей и городков. Идем вдоль рва, который охраняет древнюю крепость уже 2600 лет. Ров длиной 100 метров полукругом охватывает оконечность мыса и на северном краю смыкается с древним срезом берега. Эскарп! Искусственный скос берега, который делает склон более крутым и недоступным для противника. Ох и непростая крепость нам попалась. Наверняка эскарпирован был весь склон, выходящий в пойму Оби. А перед эскарпом и за рвом наверняка возвышались крепкие деревянные стены — частокол[3] или заплот[4].

---

[3] Палиса́д, или частокол — препятствие или стена из ряда столбов высотой в несколько метров, вертикально врытых или вбитых в землю вплотную или на небольшом расстоянии и соединенных между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусьями.

[4] Заплот — это глухой забор из горизонтальных полубревен, плах или досок, вставленных своими концами в пазы стоек или закрепленных иным способом.

Входа в крепость не видно, может даже подъемный мостик был, заодно закрывающий ворота, но это только раскопки могут показать. А перед стенами на небольшом удалении наверняка были установлены рогатки — наиболее оптимальное, простое и эффективное средство сдерживания врага на открытом пространстве. Это легкое оборонительное заграждение — конструкция из перекрещенных и скрепленных (связанных) между собою деревянных бруса или бревна и кольев (обычно заостренных). В известных тактических приемах применения этих заграждений рекомендуется закреплять рогатки вколоченными в землю кольями, чтобы не дать разрушить их противнику. Само собой, пересечение предполья[5] с рогатками врагу придется делать под интенсивным обстрелом защитников крепости.

Ходим, осматриваем городище, а в голове зреет вопрос: от кого была сооружена такая твердыня? С учетом разрушений оврагов и осыпавшейся в пойму Оби кромки площадь городка достигала 15 тысяч квадратных метров. Всего в два раза меньше древнего Кремля. Что за врага высматривали часовые, укрываясь за зубьями деревянных стен? Ответ нами был получен, но намного позже.

Второе раннескифское городище мы с Вадимом встретили через год, работая с Юрием Федоровичем Кирюшиным около села Елунина. В том месте по неведомому нам стечению обстоятельств памятников оказалось много — курганные и грунтовые могильники всех эпох: от раннего бронзового века до монгольской эпохи, поселения и местонахождения. Основная цель экспедиции — исследование елунинского (ранний бронзовый век, XX-XVI вв. до н. э.) и андроновского (развитый бронзовый век, XV-XIII вв. до н. э.) грунтовых могильников около села, а также курганов каменской культуры (скифская эпоха, VI-I вв. до н. э.). Прямо около лагеря, расположенного в живописном березовом колке в 200 метрах от кромки Приобского плато, на одном из выступов береговой осыпи Юрий Федорович нашел раннескифское

---

[5] Предполье — укрепленная полоса впереди главной полосы обороны или впереди укрепленного района.

местонахождение, названное им «Елунинское культовое место». Когда мы с Бородаевым пошли его осматривать, то обратили внимание на охватывающий выступ берега очень знакомый ров, шириной 5-6 метров, заросший сочной зеленой травой. Она его и выделяла на фоне выгоревшей степной растительности с белыми перьями колыхающегося на ветру ковыля.

— Что-то это мне напоминает, — задумчиво сказал Вадим, встав посередине рва, оказавшегося глубиной около метра.

— Ров на городище около Староалейки, — включился я в разговор и начал считать шагами длину рва. У меня в 11 шагах ровно 10 метров. Оказалось, что длина рва 120 метров, и с обоих краев он срезан осыпями берега. Судя по очертаниям рельефа, первоначальная длина была около 150-170 метров. Ров отделял от поля выступ почти 200-метровой длины, сильно разрушенный по краям и обрывающийся к Оби. Высота берега в том месте почти 50 метров. А вот на окончании мыса и располагалось культовое место — древнее капище. Раскопки показали наличие здесь сгоревшего прямоугольного сооружения из бревен, вокруг которого стояли керамические сосуды, а также лежало большое количество разнообразных предметов из кости, бронзы и камня — наконечники стрел, проколки, ножи и т. п. На кромках венчиков некоторых сосудов были налеплены головки животных. Юрий Федорович считал комплекс остатками культового места, так как признаков погребения здесь не было, а считать поселением объект, расположенный на обрыве на высоте 50 метров от воды, — нельзя. А вот ров археологи не заметили, вернее, заметили, но посчитали его береговой трещиной, так как обрушение берега около села было достаточно интенсивным. Все археологические объекты являлись аварийными и находились под угрозой обвала. Но мы подобную «трещину» уже видели и узнали сразу.

Городище было очень крупным. До начала разрушения берега его возможная площадь составляла не менее 20-30 тыс. кв. м., целый город. На северной кромке пологого Приобского плато, обращенной к пойме реки, располагалось капище (то самое культовое место). Не исключено, что место сакрального сооружения — центр крепости, тогда ее площадь еще больше. С этого места открывался великолепный вид на необозримую обскую

пойму и уходящие на восток и на запад береговые откосы Приобского плато. Духи — покровители хозяев крепости — просто не могли не заметить жрецов, обращавшихся к ним с просьбой о помощи и приносящих необходимые жертвы.

К сожалению, весь периметр древнего сооружения, кроме напольной части, разрушился, поэтому наличие других крепостных элементов отметить было невозможно. Крепость стоит до сих пор и еще ждет своего исследования. Материалы раскопок (в том числе и находки в осыпях рва у обрыва) убедительно доказали ее датировку VIII-VII вв. до н. э. и принадлежность большереченской культуре. Вырисовывалась мощная крепостная линия Елунино — Староалейка — Елбанка. Несомненно, часть крепостей или не найдена, или разрушена природными и антропогенными факторами, попробуйте обнаружить городище на территории Барнаула, например. Часть крепостей могла быть смыта Обью или разрушена оврагами, как городище Староалейка 4а, обнаруженное нами позднее и немного севернее первой найденной крепости. От крупного сооружения остался только небольшой участок, висящий над оврагом и врезанный в кромку плато. На суглинистой стенке оврага четко выделялся профиль рва глубиной более двух метров и шириной метров шесть.

Следующие крепости раннескифского времени, осмотренные нами, располагались в правобережье Катуни у сел Сростки, Березовка и в устье реки Иши. Городища Пикет, Королев Лог и Усть-Иша 2. Они зафиксированы еще до Великой Отечественной войны сотрудниками Бийского краеведческого музея, благодаря которым были известны материалы, прежде всего керамика, но почему-то эти великолепные памятники не привлекли внимание исследователей, и о них постепенно забыли.

Крепость на горе Пикет я совершенно случайно заново обнаружил во время осмотра Сросткинской палеолитической стоянки в 1980 году. Пикет представляет собой оконечность цокольной гряды, которая маркирует начало предгорной зоны и тянется от долины реки Бии на востоке до долины Катуни на западе. На Бие гряда образует возвышенность, имеющую наименование Тесьпа, а на Катуни — Пикет. Эта гора имеет два понижающихся к реке отрога[6], напоминающих лапы лежащего гигантского льва. Южной называется Тырышкина гора, и на ней

расположена Сросткинская стоянка — первый раскопанный в конце 30-х годов палеолитический памятник Алтая. Его исследовал известный археолог из Ленинграда Г. П. Сосновский. Там же находится знаменитый курганный могильник Сростки, который дал имя средневековой сросткинской культуре Алтая. А вот на северном отроге расположено городище Пикет.

Я доехал на автобусе до Сросток и направился к Пикету. Поднявшись на его северный склон, с удивлением увидел ряды огромных жилищных западин[7], занимавших, как казалось, всю поверхность горы. Крайние западины были разрушены оврагами, в осыпи которых я подобрал обломки керамики. Этот впечатляющий памятник древности тут же обрел свое место в периодизационном и хронологическом ряду — большереченская культура раннескифского времени (VIII-VII вв. до н. э.). От западного края отрога Пикета я прошел вдоль рядов жилищ площадью по 80-100 кв. м. каждое больше 200 метров и увидел знакомый ров, традиционно заросший зеленой травой. Впрочем, такая же сочная трава росла и в жилищных западинах, которых оказалось больше восьмидесяти. При этом они располагались не только внутри крепости, но и образовывали своеобразный посад за пределами рва. Ров перерезал поверхность отрога от северной до южной кромки. По северному склону был четко виден эскарп, образующий крутой обрыв высотой метров десять, заросший березовым лесом. Сейчас этот залесенный косогор хорошо виден с Чуйского тракта. На нижней части эскарпа выделялась метровая ступенька, место расположения рогаток или наклонных заостренных кольев палисада. Стоит ли говорить о том, что я забыл вообще, куда шел, и долго бродил по руинам крепости, размышляя о том, кто и от кого тут ее возвел. На следующий день директор Бийского музея Борис Хатмиевич Кадиков рассказал мне о городищах Катуни и их открытии М. Д. Копытовым и С. М. Сергеевым.

— Так почему же никто об этих памятниках ничего не писал? — удивился я в процессе беседы. Кадиков долго вглядывался

---

[6] Отро́г — относительно короткий и узкий горный хребет, отходящий от крупной горной цепи и понижающийся к ее периферии.

[7] Запа́дина — углубление, отлогая яма, впадина.

в окно, выходящее из его кабинета на Коммунарский переулок, а затем сказал:

— Никому не нужно это было. Исследовать — работы много, это же не курганы копать. Да и не укладывались эти крепости в исторические построения того времени. Вот и забыли про них. Ты еще на Королев Лог съезди посмотри. Вот где крепость так крепость.

На Королев Лог мы съездили вместе с Бородаевым. И были потрясены. Я уже много раз посещал это место и всегда восхищался древними фортификаторами[8] большереченской культуры. Крепость расположена на 40-метровом подтреугольном выступе коренного правого борта берега Катуни, выпирающем на 250 метров и выделенном с севера и юга врезанными в берег логами. Два основных склона этого треугольника, обращенного острым углом на запад, в сторону Катуни, срезаны эскарпами высотой около 10-15 метров под углом не менее 80 градусов. На подножье эскарпов, как и на Пикете, расположены уступы для защитных сооружений. На поверхности мыса с запада на восток вытянуты несколько десятков огромных жилищных западин, организованных в две выраженные улицы. Но самое интересное расположено на месте смыкания мыса с основным бортом правобережья Катунской долины. Там видны остатки крупной землянки, возможно даже остатки въездной башни, а за ней громадный ров шириной метров десять и глубиной не менее пяти. Ров просто отрезает мыс от борта долины. Не нужно иметь большого воображения, чтобы представить этот ров действующим с возвышающейся над ним боевой башней. Не менее интересно то, что южный лог с водотоком-ручейком (он и именуется Королев, по фамилии крестьянина, который здесь жил), видимо, активно использовался обитателями крепости. Все камни и валуны, встречающиеся в ручье и по его берегам, обработаны или использовались в качестве ударников, пестов или наковален. На южном склоне городища, который практически оголен и покрыт лишь пучками сухолюбивой степной полыни, можно подобрать мусор, который выбрасывали сверху из жилищ — мелкие

---

[8] Фортифика́ция — военная наука об искусственных закрытиях и преградах, усиливающих расположение войск во время боя.

обломки керамики, колотые камни, обломки костей, древесный и костяной уголь. Мы долго бродили по этим руинам, удивляясь характеру памятника. Нельзя было не заметить, что с него просматривается огромное пространство Предалтайской равнины. На юго-западе синел Бобырган, севернее четко был виден Пикет. Сразу же становилось понятным его название — Пикет, военная наблюдательная и сигнальная точка.

Позднее мы не раз осматривали и Королев Лог, и городища, расположенные южнее, в устье Иши. Там целый укрепрайон был сооружен, видимо, место во времена господства конницы имело стратегическое значение. Мало кто знает, что справа и слева от Чуйского тракта южнее Иши в сосновом лесу расположены крепости скифского времени, крупнейшие на Алтае. А немного выше и восточнее по течению речки виднеется плоский останец высотой метров 10 и размерами с юга на север 180 метров, с запада на восток — 120 метров. На нем за несколькими рвами и эскарпами прячется еще одно большереченское городище, названное Усть-Иша 2, — самый южный памятник этой культуры. Далее в низкогорьях и горах Алтая располагался совсем иной мир скифского периода.

Итак, от кого же защищались «большереченцы», создавая такие дорогостоящие фортификационные линии вдоль рек? Мы это выяснили, изучая погребения и поселения раннескифского времени, которые разделились на две большие группы. Одна — это большереченская культура, происходящая от местного населения бронзового века и развивающаяся на Алтае несколько столетий, постепенно эволюционируя и трансформируясь в цивилизацию. А другая группа — пришельцы с юго-запада. Мы это выяснили, когда исследовали некрополи одного периода — раннескифского. Только вот погребальный обряд этого населения, обитающего в одном месте и в одно время (VII-VI вв. до н. э.), был совершенно разным. «Большереченцы» хоронили своих умерших скорченно на правом или левом боку, а пришельцы — вытянуто, на спине. И вещи, и керамика, которыми снабжали умерших соплеменники в потусторонний путь, были совершенно различны. Их объединяло только бытование в один хронологический период. И что особенно удивляло — это оружие, особенно самое

распространенное — бронзовые наконечники стрел. Они выглядели очень опасно и напоминали пули, оснащенные острыми режущими кромками-гранями. Кроме втульчатых наконечников, были и черешковые, как правило, трехгранные. Все они имели в нижней части зацепы, препятствующие выдергиванию стрелы из раны, а у некоторых втульчатых наконечников имелись даже выступы-шипы. При этом в погребениях пришельцев стрелы, оснащенные этими наконечниками, находились в колчанах, а «большереченцы» нередко стрелами были убиты или ранены. Первый наконечник, застрявший в эпифизе бедренной кости, обнаружил еще в 40-х годах XX века М. П. Грязнов, раскопавший могильник большереченской культуры в устье Большой Речки у села Чаузова. В Бобровском могильнике этой же культуры среди ребер умершего найдено четыре бронзовых черешковых наконечника, которые, видимо, соплеменники вытащить из тела погибшего воина так и не смогли. Кроме этого, в составе погребальных ожерелий встречаются обереги из обрезанных втульчатых наконечников стрел пришельцев.

Таким образом, местные жители защищались от нашествия ранних кочевников с юго-запада, из степей Казахстана. Именно в этот период времени появился совершенно новый вид воина — верховой всадник. Соответственно, скотоводы преобразовались в настоящих кочевников, появилась боевая конница. Первых всадников исследователи стали именовать термином «ранние кочевники». Это было настолько ново и необычно, что, столкнувшись с всадниками, древние греки приняли их за неких особых существ, получивших имя кентавры. Вот против этих степных кентавров, стремившихся захватить степные пространства Алтая, и воевали «большереченцы», отстаивая древние родовые земли. Следует сказать, что остановить нашествие они не смогли и оставляли свои твердыни одну за другой. К окончанию многолетней войны в начале V в. до н. э. все степи нашего региона были покорены ранними кочевниками, а «большереченцы» оттеснены в предгорья Алтая. Культура пришельцев получила наименование староалейская (по некрополю Староалейка 2).

На этом динамичные и трагические события на Алтае не завершились, но это уже совсем другая история.